

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Далеко не всё можно принять в статье А. Н. Севастьянова. Он явно переоценивает деловые и нравственные качества наследственной дореволюционной элиты. И столь же очевидно недооценивает советскую, пополнявшуюся прежде всего за счёт крестьянства. Между прочим, класса столь же национально укоренённого, как и дворянство. Автор почему-то не отмечает это обстоятельство. Так же, как и то, что на высших управленцах Российской империи лежит вина за втягивание страны в две абсолютно не нужные ей войны – японскую и Первую мировую. Сравним: как искусно маневрировало советское руководство, до последнего пытавшееся предотвратить войну между СССР и Германией (на что обращает внимание Я. Алексейчик в статье, которую мы публикуем в этом же номере журнала).

Несерьёзно, особенно для такого опытного автора, как А. Н. Севастьянов, игнорировать общеизвестный факт: советский период стал эпохой высшего взлёта страны в военном, технологическом, экономическом отношении. Да, этот успех достигнут дорогой ценой, за счёт страшных жертв – далеко не всегда оправданных. Но и другие ключевые моменты строительства государства – образование Русского царства, а затем Российской империи – без многочисленных жертв не обходились! Причём и Грозный, и Пётр срезали именно традиционные элиты: удельно-княжескую, а затем боярскую. Правда, Пётр предпочитал бояр перевоспитывать. Перековывал – почти буквально. В кровавый восторг по этому поводу я не впадаю. Но это наша история. Скорбя о жертвах, понимаю необходимость перемен.

Замещение элит происходило и в последующие эпохи, хотя и не столь масштабно. Не всегда оно шло на пользу стране. Оценим пушкинский сарказм по поводу сиятельных выскочек, сполна выраженный в “Моей родословной”:

*Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин:
Так как мне быть аристократом?
Я, слава Богу, мещанин.*

Не могу принять авторские восторги по поводу селекции английской элиты. Достаточно указать на фигуру наиболее известного английского политика последних десятилетий – Маргарет Тэтчер. Дочь бакалейщика, она начинала обучение в обычной школе, правда, впоследствии не миновала Оксфорд, однако её образование химика язык не повернётся назвать элитарным.

Спорить и спорить с Александром Никитичем. . .

Но. В патриотической политологии нет исследований современной российской элиты. Замечательная статья А. С. Панарина “Народ без элиты: между отчаянием и надеждой” посвящена всё-таки народу, а не управленческому сословию. Статья А. Н. Севастьянова, пусть и спорная, представляет в этом плане несомненную ценность. Тем более, что основана на массе интереснейших статистических данных – о национальном происхождении нынешней российской элиты, её социальных и профессиональных корнях, её образовании. Да и написан материал, отмечу с удовольствием, ярко и размашисто.

Словом, рекомендую. Не как истину в последней инстанции, а как полезное чтение, побуждающее к размышлению.

Александр Казинцев

СУДЬБА ЭЛИТЫ — СУДЬБА НАЦИИ

Что такое элита? Зачем она нужна — всему обществу в целом? По каким законам она живет? Каким критериям должна соответствовать? Эти вопросы особенно актуальны для нас, русских.

Что такое элита?

Как говорил историк Борис Поршнеv: “Социальное не сводится к биологическому. Социальное не из чего вывести, кроме как из биологического”.

Элита в биологии — совокупность особей, в наивысшей степени наделенных всеми отличительными характеристиками вида, и при этом прошедших жесткий, а то и жестокий отбор внутри популяции*.

Элита в социологии — биосоциальный экстракт нации, состоящий из наиболее одаренных, образованных и состоявшихся в личном и общественном плане ее представителей, наделенных ярко выраженным и глубоко осознанным инстинктом национализма.

Оглянемся на Природу. Любая стайная общность имеет естественно пирамидальную структуру. На самом верху высокоранговые альфа-особи, “доминанты”. Их немного, иногда всего один вожак. Ниже — средне-высокоранговые бета-особи, “субдоминанты”; их больше. Еще ниже — средне-низкоранговые гамма-особи, их еще больше. А больше всех — низкоранговых дельта-самцов и самок.

То же мы видим и в человеческом сообществе. Это те же четыре касты (по законам Ману) или четыре группы общества (по Аристотелю).

По мнению селекционеров, евгенистов и этологов, биологическая элита любой популяции составляет стабильный (от 2 до 4) процент. Всегда, у всех. Не больше, не меньше. У крыс, у обезьян, у поросят, у голубей, у людей...

Никуда от этой структуры, предусмотренной Природой для Общества, не деться, ни с гуманизмом, ни без него, ни с язычеством, ни с христианством, ни при феодализме и капитализме, ни при социализме и коммунизме.

Нелепо думать, что только люди физического труда есть основа нации, лишь потому, что их абсолютное большинство. Не может популяция состоять только из гамма- и дельта-особей, без альфы и беты. Это будет дефективная, слепоглухонемая популяция, обреченная на гибель.

Не стоит восставать против естественного порядка вещей. Не предьявляйте Природе невыполнимых требований, не пытайтесь гнать Природу в дверь, ибо она влетит в окно. Без альфа-самцов популяция существовать не может: ее некому будет защищать. Да она и не останется никогда без своих альфа-самцов, ибо свято место пусто не бывает, если выбить всех наличных альфа, на их место тут же встанут вчерашние бета: четырехзвенная структура быстро восстанавливается.

Известный ученый-этолог Виктор Дольник в своих трудах подробно описывает образование иерархической пирамиды в мире животных. В частности,

* Первым термин “элита” ввел в политологию итальянский мыслитель Вильфредо Парето (1848–1923). Элита, по Парето, — это совокупность лиц, имеющих наивысшие индексы в своих профессиональных сферах деятельности. Понятно, что если мы говорим об элите безотносительно к ее национальной принадлежности (например о мировой футбольной или шахматной элите), то можно ограничиться и таким определением. Но если мы говорим об элите народа, нации, то в силу биологической природы этих феноменов нам не обойтись без биосоциального подхода.

у обезьян, чьи сообщества так напоминают нам людские коллективы. Он резюмирует:

“Группа предоставленных самим себе людей собирается в подобную иерархическую пирамиду. Это закон природы, и противостоять ему нельзя... В силу инстинктивных программ люди самособираются в иерархические пирамиды, это почти так же неизбежно, как образование кристаллов...”

Некоторые этнографы прошлого века представляли себе первобытное общество как общество равных. Но теперь мы знаем, что это не так. Оно могло быть построено и было построено по иерархическому принципу, и жизнь в нем была разной в зависимости от того, какими оказывались иерархи – мудрыми, сильными вождями, свирепыми громилами или бесноватыми колдунами”.

От Аристотеля и до наших дней люди чувствовали и понимали внутреннюю необходимость и оправданность возникновения элит. Поэт и мыслитель, друг Пушкина Петр Андреевич Вяземский писал о том же другими словами:

“В обществе нужна некоторая подчиненность чему-нибудь и кому-нибудь. Многие толкуют о равенстве, которого нет ни в природе, ни в человеческой натуре. Нет ничего скучней томительней плоских равнин: глаз непременно требует, чтобы что-нибудь, пригорок, дерево, отделялось от видимого однообразия и несколько возвышалось над ним. Равенство перед законом дело другое. Но равенство на общественных ступенях – нелепость”.

Зачем нужна элита?

В природе нет ничего бесполезного, несообразного. Если у каждой биологической популяции, включая людей, всегда возникает своя элита, значит, это зачем-нибудь нужно. Зачем?

На первый взгляд, существование элит только осложняет жизнь нижних этажей общественной пирамиды. Тот же Виктор Дольник пишет о том, как трудно ведется порой борьба за иерархический ранг, составляющая едва ли не самое главное в жизни самца:

“Борьба эта ведется сурово, с драками, а проигрыш в ней означает постоянное унижение, страх, необходимость отдавать доминантам лакомые куски. Занимающие низкий ранг павианы находятся в стрессе, чаще заболевают, меньше живут. Когда читаешь работы, описывающие все ухищрения, к которым они прибегают для того, чтобы изводить друг друга, временами тошно становится”.

Понятно, что низы общества всегда недовольны самим фактом существования верхов.

Но и верхам приходится высокой ценой оплачивать своё верховенство.

В жизни представителя элиты обязательно наступает критический момент, когда, собственно, и происходит проверка его элитарности. Своего рода звездный час, “момент истины”.

Этолог Дольник пишет об этом так:

“Геронтов-павианов ждет один из двух финалов: или их свергнут, или они погибнут в схватке с леопардом. Леопард – самый опасный хищник для всех живущих в саванне обезьян. Он охотился и на всех наших предков, охотится на людей и поныне. Павианы боятся его всю жизнь. Но может настать день, когда доминанты переломят в себе этот страх и навяжут леопарду смертный бой”.

Именно так обстоит дело и в мире людей. Безусловно, любое человеческое общество нуждается в персонале, способном этим обществом управлять, как-то регулировать его жизнь*. Но главное не в этом. Вождь ты или не

* Функциональность элит как их оправдание выдвигал еще немецкий социолог Карл Маннгейм, который в своей работе “Man and Society in an Age of Reconstruction” (1941) определял элиты как часть системы коллективной ответственности и обязательств, чье существование определяется не волей к власти отдельных индивидов, а общественной потребностью в профессиональном исполнении стратегических функций. Американский социолог Сьюзанн Келлер развила эту позицию: “Понятие элиты относится прежде всего к меньшинству индивидов, предназначенному служить коллективу общественно полезным путем. Элиты – это эффективные и ответственные меньшинства» (Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. NY: Random House, 1969. P. 21). На мой взгляд, такой подход идеализирует человеческое общество и напрасно игнорирует его биологическую природу, излишне схематизирует и рационализирует общественные отношения. Но своя доля истины в нем есть.

вождь, элита или не элита – определяется в момент решающей, смертельной схватки с самым опасным врагом твоей популяции, твоего народа.

В XVI веке во Францию из Америки привезли индейцев тупинамба и показывали их публике. Философ Монтень спросил через переводчика, какими правами обладает их король. “Первым идти в бой и погибнуть”, – таким был ответ.

Этот ответ следует считать образцовым, хрестоматийным.

Очень яркий и наглядный пример подобного поведения мы получили в ходе Великой Отечественной войны. В начале: Сталин отказался покинуть Москву в момент, когда к ней подошел “немецкий леопард”. И в конце: Гитлер отказался покинуть Берлин в момент, когда к нему подошел “русский леопард”. Оба они самым убедительным способом подтвердили свой статус вождей своих народов, истинных альфа-самцов, доминантов: поставили на кон собственную жизнь в беспощадной борьбе.

Вот в чем заключается высший смысл, высшая целесообразность, высшее оправдание элит: в их способности жертвовать собой ради своего народа. Элита должна быть глубоко националистична от природы.

Это главный, все определяющий критерий, квалификационный тест на элитарность.

Способен пожертвовать собой ради своего народа – значит, элита. Не способен – значит, не элита или псевдоэлита, сколько бы ты ни набрал себе власти и имущества, как бы высоко ни вознесся и что бы о себе ни думал.

Посмотрим с этой точки зрения на историю русской элиты: что было и что стало.

I. БЫЛА ЛИ НА РУССКОМ ТЕЛЕ РУССКАЯ ГОЛОВА?

Была ли у русских настоящая элита, соответствующая вышеприведенному критерию? А если была, то что с нею случилось, куда она делась?

Ответить на этот вопрос легко. Достаточно заглянуть хотя бы в галерею Зимнего дворца, посвященную героям Отечественной войны 1812 года. Там представлен целый класс истинно элитарных персонажей: все они – выходцы из господствующего сословия русского народа, природные хозяева страны, но притом без рассуждения готовые положить свою жизнь за Отчизну и свой народ.

Вспомним, как прославлен в высшем свете был генерал Николай Раевский, о подвиге которого много говорили и писали и даже создавали картины и гравюры. Историк Чекмарев пересказывает этот популярный сюжет так:

“23 июля 1812 года, у деревни Салтановка, корпус Раевского принял тяжелейший бой с пятью дивизиями маршала Даву, французы превосходили русских и в штыках и в артиллерии, но в самый критический момент генерал Раевский повел в атаку Смоленский полк, рядом с генералом были его сыновья, 17-летний Александр и 11-летний Николай. Александр, идя в атаку рядом с отцом, поднял выпавшее из рук раненого подпрапорщика знамя и вырвался вперед. Вражеская картечь попала генералу в грудь, одежда на маленьком Николае была пробита пулями, но порыв русских войск было уже не остановить. Благодаря подвигу Раевского и его солдат, Багратион успел форсировать Днепр и уйти на соединение с армией Барклая, чем привел Бонапарта в бешенство”.

Даже если это и небылица, сочиненная в Петербурге (как считают некоторые), то в высшей степени характерная, показательная.

Вот такой была русская элита. Ни себя, ни своих детей не щадила!

И была она такой испокон веку. Если листать истории боярских и дворянских родов, мы встаем перед фактом: редко кто доживал свой век в поместье и умирал от старости. Чаще – на поле боя или от старых ран. Уж на что неоднозначная личность Малюта Скуратов, а и тот погиб от стрелы в горячем бою, возглавив штурм ливонской крепости!

“Не станет пахотника – не станет и бархатника”, – гласит русская пословица. Она верна. Но верно было и обратное. Не крестьяне, выставлявшие не более одного рекрута со ста семей, а именно русские дворяне, имевшие в каждом роду свой героический мартиролог, были настоящим “пушечным мясом” России и русского народа.

Надо отметить, что высокой жертвенностью отличалась и контрэлита – те же революционеры, начиная с декабристов, которые положили на алтарь Отечества свои жизни, свободу, положение в обществе. Не случайно среди декабристов было немало офицеров, насмерть бившихся с наполеоновским нашествием: просто один вид служения своей стране и народу сменился для них другим.

Особо следует сказать тут не только о русской военной, но и об интеллектуальной элите – ученых, писателях, композиторах, государственных деятелях, – наиболее значительная часть которой связана происхождением с социальными элитами: дворянством, священничеством, предпринимательскими слоями.

Эту свою духовную элиту Россия растила тысячу лет – ни много ни мало. Всеми своими корнями она была связана с Россией, ее историей, ее бедами и победами, поражениями и завоеваниями, радостью и болью. Никогда не отдаляли эти люди себя, свою судьбу от судьбы России и своего родного русского народа! Критикуя – порой жестоко, наотмашь – российские порядки, российскую власть, они хотели изменить свое Отечество, но не хотели ему изменять! Они любили Родину, не могли жить без нее.

Особенно ярко проявилось это качество в феномене русской эмиграции первой волны после революции 1917 года. Оторванные поневоле от своей Родины, они не пускали корни в приютивших их землях, а “жили на чемоданах”, по выражению Надежды Тэффи, жили Россией и для России, для нее творили, надеясь вернуться “к своим” если не при жизни, то хотя бы посмертно, своим творчеством.

Когда мы говорим об укорененности русской элиты в русской народной жизни, о ее неотрывности от России, следует помнить об одном важнейшем обстоятельстве, отличавшем российскую элиту от элит, скажем, западных стран.

Русское дворянство, благодаря введенной Петром Табели о рангах (1714), было не просто социальной, но биосоциальной элитой русского народа. А это колоссальная разница, отличающая русское дворянство от европейской родовой аристократии.

В течение двухсот лет оно принимало в свой состав все самое лучшее, что только мог предложить русский национальный генофонд. Из этого процесса были исключены (хотя и не вполне) только крепостные крестьяне, черносошные в нем участвовали. Все самые умные, самые инициативные, самые пробивные и целеустремленные, самые одаренные, смелые, а иногда и просто физически сильные русские люди, достигнув по службе или по учебе определенного ранга, получали вначале личное, а там и потомственное дворянство.

Их численность и удельный вес в составе сословия постоянно возростали по сравнению с представителями древних дворянских родов; уже к концу первой трети XIX века новым дворянам принадлежало более 60% помещичьих земель, а ведь приобрести землю мог далеко не бедняк. Из дворянских литераторов XVIII века (653 человека) каждый пятый был дворянином по выслуге. Российские вузы, армия, флот, бюрократическая система ежедневно поставляли этому сословию все новые кадры. В 1912 г. выходцами из дворян было уже только 36,3% офицеров, а 25,7 процента – выходцами из крестьян. В годы Первой мировой войны доля офицеров из разночинной и крестьянской среды еще более выросла. Все они могли в свой черед претендовать на дворянство.

Ни в одной европейской стране не было такого, чтобы человек, закончивший академию художеств или университет, автоматически получал дворянское звание, а в России было именно так. Элита не отгораживалась от народа, элита пополнялась выходцами из всех сословий за личные заслуги, это очень важная подробность.

Сардинский посланник в России Жозе де Местр, известный своей наблюдательностью, писал графу де Валуазу о наших порядках: “Дворянское звание лишь помогает достичь чина, но ни один человек не занимает выдающегося положения благодаря одному лишь рождению; это и отличает сию страну от всех прочих”.

Таким образом, к концу царского режима русское дворянство представляло собой в генетическом отношении сливки сливок русского народа. Его БИОсоциальную элиту, двести лет впитывавшую в себя, посредством действия Табели о рангах, лучшие народные соки. Это факт, и малейшему сомнению не подлежащий.

Как ни парадоксально, но русское дворянство было самым народным из всех дворянств мира. Эта мысль покажется поначалу странной, быть может, но было именно так. “Народное дворянство” – это не оксюморон, а живая реальность российской жизни накануне революции. Дворяне тех лет – это вовсе не сословие угнетателей: крепостного права уже не было более 50 лет, основная масса дворянства были служивые люди, в том числе офицеры, врачи и учителя. Это уже ни в коей мере не были хозяева жизни, хозяева страны. Обеднение, разорение дворянства после Великой Реформы 1861 года развивалось стремительно и неотвратимо. В 1916 году уже не дворяне, а крестьяне засеивали 89,3 процента всех земель на правах собственников и арендаторов и владели 94 процентами сельскохозяйственных животных. Как общественно-экономический класс русское дворянство сошло с исторической сцены задолго до революции.

По мере приближения к роковой черте Октября процесс обрусения и генеалогического сближения с народом дворянства только усиливался. Госаппарат и армейское офицерство становились все более демократическими по способу своего комплектования, а значит, и более русскими по составу.

Однако до конца обрусеть российской военной и административной элите так и не удалось. Беда в том, что после неудачного восстания декабристов русская дворянская элита, полновластная управлявшая Россией с правления Елизаветы Петровны и даже свергавшая и казнившая царей, пытавшихся увести Россию с национального пути (Брауншвейгскую династию, Петра Третьего, Павла Первого), вся в целом попала под подозрение и была отодвинута от рычагов управления, потесненная, в основном, немцами и поляками. К примеру, немцы составляли очень важную часть императорской власти, временами – до 30 процентов должностей в высшем аппарате, особенно в МИДе, армии и полиции.

Это обстоятельство сыграло свою роль в отчуждении русского народа от российской элиты и послужило одним из катализаторов революции.

Что с русской элитой сделала революция

Если у какого-либо народа отсутствует, резко ослаблена или недостаточна сплочена собственная национальная элита, осуществляющая, в том числе, государственную власть, то ее место обязательно займут представители иностранных элитных групп. Они без труда проникают в элитные слои всех ключевых сфер общества, а затем посредством этнического протекционизма, но в ущерб коренному народу становятся господствующей прослойкой элиты. Прежде всего в финансах и экономике, СМИ, творческих профессиях, культуре и искусстве. Во всех этих сферах они играют роль своего рода администраторов, бесцеремонно навязывая всему обществу выгодные только им самим, но чуждые национальным традициям коренного народа общественно-государственный строй, мировоззренческие и культурные нормы и т. д. и т. п.

В СССР все это произошло, в первую очередь, с русским народом, чья национальная элита оказалась наиболее жестоко и последовательно истреблена или вытеснена из верхнего слоя общества – либо эмигрировала.

Это обезглавливание нации было теоретически обоснованным, подготовленным. Не кто иной как Александр Радищев в своем “Путешествии из Петербурга в Москву” писал: “О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярясь в отчаянье своем, разбили железом, препятствующим их вольности, главы наши, главы бесчеловечных господ своих и кровью нашей обгарили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды его исторглись бы великие мужи для заступления избитого племени. Но они были бы других о себе мыслей и лишены права... Не мечта это, но взор пронизает густую завесу времени, скрывающую от очей наших будущее. Я зрю через целое столетие”.

И вот через столетие произошло ровно то, что напроорочил Радищев. Железом были разбиты головы господ... .

Большевики (да и не только они) не видели в этом ничего страшного, антигосударственного. Ибо принято было считать, будто биологический ресурс народа бесконечен. Подумаешь, какая разница! Ну, уничтожим мы три процента населения – так называемую элиту – так на ее место встанут другие три процента. И даже не три, а тридцать три, и еще краше, умнее, значи-

тельнее и вообще лучше, поскольку все будут из народа и будут исповедовать коммунизм.

Ленин считал, что русский генофонд неисчерпаем, и Сталин считал, что генофонд неисчерпаем: “Этих уберем, на их место придут другие, незаменимых у нас нет”. И так всегда считали, глядя на них, все власть имущие в советской России. Все искренне думали, что народ все время может и будет поставлять элитарные кадры. Элитарные, прежде всего, в биологическом смысле: сильные, умные, талантливые и пр.

Вот где был корень колоссальной ошибки! Ибо биологическая элитарность – это свойство наследственное. От осинки не бывает апельсинки, недаром говорит народ. Эта поговорка прекрасно обоснована в известном научном труде Фрэнсиса Гальтона “Наследственность таланта”.

Если срезать верхний, “черноземный” слой народа, то на его место новый “чернозем” из глубины просто так сам собою не поднимется. Должны пройти поколения, прежде чем он сформируется.

Теоретическая ошибка, которую столь ярко сформулировал Радищев и которую потом вся революционная Россия считала за аксиому, привела к катастрофическим последствиям.

Что же произошло с природной русской элитой в результате Октябрьской революции, гражданской войны и советской власти?

От дворянского сословия в сегодняшней России остался примерно один процент. Но ведь не только дворяне входили в состав тысячелетней национальной элиты.

Священники, примерно 500 тысяч человек с домочадцами. Начиная с екатеринских времен церковные должности наследовались: старший сын священника имел право наследовать отцу. И все дети священника (кроме девочек, конечно) имели право поступить и окончить духовную семинарию. У священников, как правило, было много детей. Старший сын, предположим, шел по стопам отца. А куда девались остальные сыновья, окончившие семинарию? Они получали второе образование, становились учителями, врачами, переводчиками. Это сословие непрерывно поставляло почти исключительно русскую по крови (!) разночинную интеллигенцию. Вспомним, что дедом Белинского, как и Достоевского, был священник, а Чернышевский, Добролюбов, Каронин-Петропавловский, Левитин и многие другие были детьми священников. А ведь это были духовные лидеры русской интеллигенции, начиная с 40-х годов XIX века. И вот этот контингент тоже был уничтожен после 1917 года.

Не забудем причислить к русской элите и русское купечество. По статистике, по последней дореволюционной переписи, чуть ли не 70 процентов российского предпринимательского класса – евреи. Но это цифра лукавая, потому что на самом деле вообще все евреи записывались в какие-то мелкие предприниматели. Только жили они компактно, а за пределами черты оседлости еврейский капитализм был мало кому знаком. А все держалось – бизнес, предпринимательство, купеческое сословие в целом – на русских Колупаевых и Разуваевых. Возьмем верхние три тысячи самых богатых капиталистов России: примерно половина фамилий там абсолютно русские. И как всегда, чем ниже мы спускаемся с Олимпа предпринимательского, тем чаще мы встречаем русские фамилии. Русский предпринимательский класс был уничтожен под корень, большевики этим хвастались особо.

Мы не можем забыть и о том, что 2,7 процента занятого населения, по последней российской переписи, это была интеллигенция, люди умственного труда. И интеллигенция в массе своей тоже была русской: до 56 процентов студентов в технических вузах перед революцией были и вовсе дети русских крестьян и рабочих. То есть инженерный корпус был в основном русским, медицинский и педагогический корпуса были в основном русскими. Значительное количество нерусской (еврейской, в первую очередь) интеллигенции концентрировалось в журналистике и критике, определенный процент был в театральной, музыкальной сфере – богеме, одним словом. Но если мы возьмем писателей, художников, то нерусские имена среди тех, кто творил культуру Серебряного века, встречаются достаточно редко, и что-то нерусское обнаружить в их творчестве бывает достаточно сложно*. А имен первого ряда среди них и вовсе почти нет. Время Шагала и его круга, время Мандельштама и Пастернака, Багрицкого и др. придет уже после революции.

* Исключение, пожалуй, братья Бурлюки.

Примерно 86 процентов населения России составляли крестьяне, а интеллигентская прослойка была крохотной, тоненькой плёночкой на раскаленной магне народного восстания. Удержать эту магму тоненькой плёночка, конечно же, не могла, смешно было бы даже об этом мечтать.

Судьба этой плёночки была очень печальной. Примерно половина эмигрировала, оставшиеся превратились в “лишенцев”.

Уничтожена была и крестьянская элита – кулаки и значительная часть середняков. И казачество – от века авангард русского народа.

Истребление русской тысячелетней элиты и возникновение нового правящего слоя сопровождалось даже антропологическими изменениями. Если среди высших чиновных и воинских кругов, иерархов церкви до революции заметно преобладали долихоцефалы (длинноголовые), то советская власть вывела на самый верх сплошь брахицефалов (круглоголовых – Жданов, Хрущев, Маленков, Ворошилов и многие другие).

Еще заметнее были этнические перемены в составе элиты. Вакуум, образовавшийся на месте русской и немецкой политической, военной, экономической и интеллектуальной, духовной элиты, заполнился молниеносно. На долгое время у руля страны оказались евреи (в центре – и на местах), пока их не начал вытеснять Сталин и сталинцы. А в духовной и умственной жизни еврейское засилие не изжито и до сих пор.

Была ли русская советская элита?

И да, и нет.

Научная, творческая элита – безусловно была.

А биосоциальная, без которой невозможна полноценная жизнь популяции – нет. Хотя выдающиеся люди, обладавшие властью в обществе и готовые за эту власть (а часто и за это общество) идти на смерть, были в немалом количестве. Взять хотя бы весь офицерский корпус, созданный в ходе Великой Отечественной войны, от лейтенантов до маршалов. Многим из них после войны суждено было стать руководящими кадрами в самых разных отраслях. Смерть ходила рядом с ними и на фронте, и в мирной жизни, но ни военная опасность, ни даже угроза несправедливого суда и расстрела не могла остановить их путь наверх.

Была, безусловно, и естественная селекция, поднимавшая из глубин народной жизни в верхние слои людей, одаренных талантом. Если полистать справочники Константина Залеского “Империя Сталина” и “Кто был кто в истории СССР”, там приведены более тысячи биографий людей, занимавших видное положение между 1924 и 1953 годами, и не только в столицах, но и в республиках, в провинции. Подавляющее большинство этих биографий начинается одинаково: родился в таком-то селе такого-то уезда такой-то губернии*. И это лишь верхушка айсберга. Форсированное раскрестьянивание, сопровождавшее урбанизацию и индустриализацию, поставило миллионы русских людей из деревни – в город, и не только на физическую работу, но и на ответственные посты в науке, армии, народном хозяйстве, партийном и советском руководстве.

Впечатление такое, что многовековой процесс естественного отбора, шедший своим ходом тысячу лет, вдруг с бешеной скоростью охватил весь русский народ и... выжал его за ничтожные сто лет, как лимон. После чего встал вопрос, что же будет с этой новоявленной элитой? Какая судьба ее ждет? Укрепитесь, уцелеет ли она – или сойдет со сцены?

Элита эта ведь не была потомственной, однако стремилась к закреплению социальных привилегий за семейными кланами, стремилась создать то, что Сталин называл “проклятой кастой” и с чем боролся всеми силами. Но ни секретари обкомов, ни директора предприятий и колхозов-совхозов не могли оставить свой пост в наследство сыну. И даже далеко не всегда могли владеть этим постом пожизненно. Быть сегодня на самом вершине общества, а завтра превратиться в лагерную пыль или просто в тело с дыркой в черепе – такая перспектива волей-неволей формировала у основной массы советской псевдоэлиты психологию не хозяев страны, а временщиков.

* На это обратил мое внимание историк А. Б. Горянин.

Надо добавить, что далеко не во всех сферах селекция носила естественный характер, а нередко принимала характер и противоестественный, превращаясь в своего рода антиселекцию. Не кодекс чести, а кодекс бесчестия был общепотребителен для многих и многих профессий, особенно связанных с идеологией. Антиселекция порождала антиэлиту...

После смерти Сталина смертельный риск от пребывания в составе руководства страной упал до нуля, а с ним стало падать и основное качество, делающее элиту элитой – жертвенность. А вот синдром временщика, наоборот, неуклонно укреплялся, чем во многом и объясняется революция 1991–1993 гг., в которой партийно-хозяйственная элита Советского Союза оказалась кровно заинтересована. Трансформация единого социалистического СССР в россыпь отдельных капиталистических стран (из которых все, кроме России, оказались к тому же этнократиями) соответствовала устремлениям этой элиты, о “перерождении”, “обуржуазивании” которой написано немало.

Не случайно, как пишет автор книги “Анатомия российской элиты” социолог Ольга Крыштановская, изначально 61 процент новых предпринимателей, относящихся к группе бизнес-элиты, ранее работали в органах власти, причем из них были на партийной работе 13 процентов, на комсомольской – 37 процентов, работали в исполкомах Советов народных депутатов – 4,3 процента, на номенклатурных должностях в министерствах и ведомствах – 37 процентов, в других органах власти – 8,6 процента. Из высшей номенклатуры (то есть с должностей, утверждавшихся Политбюро ЦК КПСС) пришли в бизнес 5,0 процента. При этом, что естественно, работники государственных банков составили костяк новых банкиров (88,2 процента), а работники производственной сферы создавали частные производственные структуры (42,8 процента).

Надо отметить, что именно указанная конвертация власти в собственность заложила предпосылки создания в России новой генерации потомственной элиты как биосоциального слоя. Ведь даже среди тех 39 процентов предпринимателей, которые никогда не работали в органах власти, многие были выходцами из номенклатурных семей. Так, у 36,8 процента отцы являлись номенклатурными работниками, а у 18 процентов – матери.

Советская элита и национализм

Накануне революции 1917 года руководство всех социалистических партий России было по преимуществу еврейским. Особенно это касалось большевиков и эсеров. Взяв власть, возглавляемые евреями большевики систематически уничтожили элиты большинства народов, населявших Российскую империю, после чего объединить сами эти обезглавленные народы в единое государство под своей властью было лишь делом техники.

Дальнейшая судьба Советского Союза во многом зависела от процесса восстановления национальных элит. Некоторое представление об этом дает анализ руководящего партократического слоя*.

Если взять 193 опубликованные биографии членов и кандидатов в члены Политбюро (Президиума), Оргбюро и Секретариата ЦК за период 1919–1990 гг., этнический состав выглядит так: 68 процентов русских, 8 процентов украинцев, 7 процентов евреев. Но этот состав не отражает этнодинамику руководства и реальный вес этнических групп. В первую очередь, преобладание евреев в 1920-е и постепенное снижение их влияния (особенно после войны), а также параллельное возвышение русских.

В 1970–1980-е годы высшая партийная власть в СССР неуклонно “русела”, как и опорная масса партийцев в целом: составляя 51 процент населения страны, русские составляли 59 процент среди членов партии. Такой диспропорции не давал ни один другой народ Советского Союза (правда, евреи имели самый высокий показатель представительства среди членов партии: почти 15 процентов от численности своей этнической группы; но на общесоюзном фоне их вес уже не был столь велик, как изначально).

* Подробные данные о динамике этнического состава советской политической элиты см. в ст.: Тишков В. А. Национальность – коммунист? (Этнополитический анализ КПСС). – В кн.: В. Тишков. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997.

Так обстояло дело в центре. Противоположная картина складывалась в республиках. Управлять значительными этническими областями, не опираясь на местную этническую же элиту, оказалось совершенно невозможно, это большевики в конце концов поняли. Именно к 1980-м годам во всех республиках, кроме РСФСР, выросли национальные элиты, заботливо выпестованные Политбюро КПСС (инструментом такого ращения были республиканские ЦК КПСС и ВЛКСМ, республиканские АН и т. д.). Этим был подписан смертный приговор Советскому Союзу.

В итоге премудрой партийной национальной политики “в союзных республиках компартии выработали свою собственную формулу, по которой складывался этнический облик руководства: первый секретарь и большинство членов Политбюро должны были представлять основную национальность республики (даже если представители этой национальности составляют меньшинство в партийной организации республики), второй секретарь (так называемая рука Москвы) – обычно русский; среди других русских членов Политбюро – это чаще всего командующий военным округом, руководитель КГБ или МВД. Остальные “номенклатурные” места в высшем партийном руководстве, как правило, предназначались коммунистам так называемой коренной нации. Это – Председатель Президиума Верховного Совета республики, Президент Академии наук республики, первые секретари столичного горкома и ряда крупных областных парторганизаций, пара “знатных людей” из рабочих и крестьян”*.

Неуклонный численный рост национальных политических элит вызвал к жизни диалектические последствия: количество переросло в качество.

Роковые изменения в этническом составе руководства КПСС, накопившись, привели к качественному скачку. В ходе XXVIII съезда партии (февраль-март 1986) был утвержден принцип федеративной квоты для первых секретарей компартий союзных республик при формировании Политбюро. Отныне избиралось всего не более трети Политбюро, а остальные автоматически входили “по должности”. В результате в Политбюро из 24 человек вошли представители аж 16 национальностей, в то время как процедуру выборов прошли только семь русских и один украинец.

По сути, произошел антирусский националистический переворот мирными средствами. Резкое, революционное изменение национального состава Политбюро ЦК КПСС имело решающее историческое значение: впервые за свою историю высший орган власти в стране приобрел многонациональный характер. Причем русские, привыкшие быть первыми среди равных, оказались на этот раз в меньшинстве.

Отныне СССР был обречен. Воссоздание национальных элит, их прорыв к реальному руководству Советским Союзом – все это привело к бурному росту этноцентристских и сепаратистских настроений в республиках. Произошла настоящая революция национализмов титульных народов, нашедшая затем свое завершение в образовании этнократических государств по всему периметру российской границы.

Тем временем естественный ход событий вел к постепенной национализации политической верхушки и в русской республике РСФСР (то есть к ее русификации), как ни противился этому предпоследний генсек Юрий Андропов, еврей, боровшийся с “русистами” в свою бытность главой КГБ.

Однако в целом русские правящие круги Советского Союза публично исповедовали интернационализм и советскую псевдо-имперскость, официальную доктрину “советский народ – новая историческая общность людей”. До статуса подлинной национальной русской элиты, до понимания проблем русского народа, до самоотверженной защиты его интересов им было бесконечно далеко. Эти люди не были русскими националистами, а значит, были всего лишь псевдоэлитой, в отличие от своих коллег в национальных республиках, конкурировать с которыми за звание элиты русские руководители априори не были способны.

Объективно, по мере формирования национальных элит, дело неминуемо шло к разлому единой страны по национальным граням на отдельные национальные государства. Два встречных процесса: русификация центральной власти и этнизация власти в республиках (при росте местного национализма) вошли между собой в непримиримое, антагонистическое противоречие. Эли-

* Там же.

там разных национальностей, как и следовало ожидать, стало тесно в едином государстве. Удержать власть и сохранить СССР в условиях активизации этнических элит русские уже не могли. Да и не очень-то хотели, судя по раз-вернувшимся в 1991 году событиям.

Обреченность союзного проекта ярче всего выявилась в ходе так называемого ГКЧП.

Бросается в глаза, что “теоретики переворота, его организаторы и непосредственные исполнители представляли не просто консервативные силы связанной с Центром и обреченной в ходе преобразований на гибель партийно-государственной номенклатуры. Идеологи, как и кадры путчистов, оказались тесно связанными с русскими как доминирующей в государстве этнической группой. На уровне манифеста интересы этих сил были сформулированы в известном “Слове к народу”, опубликованном 23 июля в газете “Советская Россия” за подписью двенадцати русских по национальности деятелей культуры и военно-промышленного комплекса. Та же идеология и частично те же люди породили и основной документ ГКЧП “Обращение к советскому народу” от 18 августа 1991 г. Состав комитета – это не просто высшие чины “советского руководства”, но и опять же лица русской национальности: из восьми членов ГКЧП только родившийся в городе Калинин Б. Пуго был ассимилированным латышом”*.

Истинная цена этой русской псевдоэлиты проявилась в полном политическом бессилии, в неспособности удержать разваливающуюся страну.

Вполне закономерно, что провал ГКЧП обернулся триумфом национальных элит, триумфом этнократии. Немедленно, уже 26 августа, на сессии Верховного Совета СССР президент Кыргызстана А. Акаев назвал текст подготовленного для подписания Союзного договора неприемлемым потому, что он стал “компромиссом между демократическим движением к свободе и независимости суверенных республик и стремлением центра сохранить свою власть”. А время для подобных компромиссов, по мнению этнократов, миновало бесповоротно: настал час их полновластия в своих улусах.

Акаев тут же подпел президент Казахстана Н. Назарбаев, заявив, что Казахстан никогда не будет “подбрюшным” (неосторожный эпитет Солженицына) ни одного региона и никогда не будет ни для кого “младшим братом”. Он назвал выработанную – по его же инициативе! – в Ново-Огареве схему “опасной”. Опасность, ясное дело, состояла только в одном: эта схема ограничивала полновластие национальных элит в пользу центра. Они же были полны решимости покончить с центральной властью раз и навсегда. И покончили.

Единственное, что их беспокоило – это вопрос о территориальной целостности и границах новообразующихся этнократий. Назарбаевым и кравчукам не хотелось расставаться с земельными приобретениями, подаренными им большевиками за счет русского народа. Между тем, этот вопрос неожиданно обострился после заявления ельцинского пресс-секретаря Павла Воцанова. Который возьми да скажи, что в связи с заявлениями ряда республик о выходе из СССР российское руководство оставляет за собой право поднять вопрос о пересмотре границ с соседними государствами.

Да, в тот момент у русских еще была возможность без больших проблем вернуть себе и Южный Урал (восемь населенных русскими областей нынешнего Казахстана), и северо-восточные области Эстонии, и восток Украины, Новороссию и Тавриду.

Но эта возможность была похоронена Ельциным, который таким образом выкупил собственное беспроblemное полновластие в рамках обкорнанной, обобранной России. На Украине и особенно в Казахстане на заявление Воцанова последовала жесткая реакция. Российским делегациям пришлось срочно вылететь в Киев и Алма-Ату. Мы не знаем, как проходили там переговоры, чем националы грозили и что обещали Ельцину. Но в результате Россия официально заявила о невозможности пересмотра границ и взаимном уважении территориальной целостности республик.

Русский поезд ушел в никуда. Двадцать пять миллионов наших соплеменников оказались отрезаны от материнской нации и родной земли, преданы ельцинским режимом на произвол (“на съедение”) этнократам Украины, Казахстана etc.

* Тишков В. А. Там же, с. 242–243.

Торжество бывших национальных элит Советского Союза оказалось совершенным и полным. Оно явилось поздним, но закономерным результатом квазиимперского советского политического проекта.

Основная причина, по которой русский народ потерпел, в виде краха Советского Союза, тяжелейшее историческое поражение, состояла в отсутствии у него подлинной национальной элиты, способной понимать, выражать и самоотверженно защищать его этнические интересы.

Такой элиты у русских нет и до сих пор.

Как делают элиту

Биологи утверждают, что для того, чтобы восстановить элиту популяции, столь основательно уничтоженную, как у русских, должно пройти не менее пяти поколений. Едва ли не первейшая причина множества наших неурядиц, в том числе отсутствия политической субъектности — в том, что ни представлять русский народ, ни защищать его права и интересы сегодня некому.

Свято место пусто не бывает. Иерархическая пирамида так или иначе восстанавливается в стабильном обществе. Подрастают новые элиты даже у потерявших их народов. Народа совсем без элиты быть не может, биологически. Но вот ее качество...

Как нам, русским, вновь обрести свою настоящую элиту?

Обратимся к опыту Англии, где процесс создания национальной элиты имеет целенаправленный характер и опирается на многовековую традицию. У англичан есть чему поучиться в этом плане.

Английская (как и американская) политическая элита веками формируется по клановому принципу. Как считает профессор из Оксфорда Вернон Бодганор, этот принцип оправдан целесообразностью:

“Это закономерный процесс и отнюдь не только британский феномен. Вспомним могущественный клан Кеннеди. Или одного из авторов американской Декларации независимости Сэмюэля Адамса. Два его двоюродных брата — президенты США. Человек, который растёт в элитной и “политически активной” семье, станет видным политиком с гораздо большей вероятностью, чем обычный смертный”.

Принцип клановости в первую очередь опирается на общий для “высшей касты” образовательный и воспитательный стандарт: “У всей элиты Соединенного Королевства одинаковая образовательная основа”, — констатирует лондонская газета “Санди таймс”.

Для примера: Оксфордский университет, причём по специальности “философия, политика и экономика”; окончили как близкое окружение предыдущего премьер-министра Гордона Брауна (братья Милбанд, Эд Боллс и ещё с десяток министров), так и нынешний премьер Дэвид Камерон, министр иностранных дел Уильям Хейг и ряд их соратников.

Такова непрерывная традиция: за два века до этого точно такое же образование получил, к примеру, Уильям Питт.

До университета все они учились в “публик скулз”, то есть в закрытых частных школах. Как говорил победитель Наполеона герцог Веллингтон: “Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона”. Эта фраза стала крылатой. Она подчеркивает роль частных школ в формировании британской элиты.

Собкор “Литературной газеты” в Лондоне Михаил Озеров раскрывает секрет: “Такая школа воспитывает джентльмена, а он ведёт за собой нацию, особенно в пору трудных испытаний”^{*}.

Не случайно в подобных школах все подчинено национальным традициям. К примеру, одна из самых знаменитых и престижных “публик скулз” — Вестминстерская школа — создана еще в IX веке! Трапеза в ней не меняется столетиями: пирог с мясом, кипяченая вода. Школьный устав регламентирует отношения с учителями и соучениками, процесс обучения и досуг, правила поведения в школе и в жизни.

Основной упор в “публик скулз” делают на гуманитарном воспитании, в младших классах углублённо изучают латинский язык, в программе по литературе — древнеримская классика. Это основа основ, общая матрица.

^{*} Здесь и далее излагаются материалы из его статьи “Правь, Британия!” за 2006 г.

Но есть, конечно, и другие, более близкие к реальной жизни направления: естественно-научное, экономическое и финансовое.

Учеников независимо от их происхождения (будь это хоть наследники престола) взращивают по всей строгости, сурово. Соблюдая прославленный в веках принцип английского воспитания: “Мы должны взять ребенка и влить сталь в его душу”. Стиль весьма далекий от русской вседозволенности, когда дети высокопоставленных особ не стесняются даже с учителями.

Научившись владеть собой, своими чувствами, выпускник английской закрытой школы уже готов для того, чтобы управлять другими, в том числе целыми народами. Не случайно Британия некогда овладела половиной мира...

Результативность такого воспитания чрезвычайно велика. Среди выпускников той же Вестминстерской школы – девять глав правительства, пятнадцать архиепископов, огромное количество министров. Практически каждый оканчивает потом Оксфорд или Кембридж – заключительные этапы отбора, после чего на всю жизнь приобщается к правящей касте и занимает высокие должности в государственных ведомствах, банках, компаниях.

Политика в Англии – поприще цензовое, ибо “паблик скулз” – привилегированные заведения. Если в обычных школах учеба бесплатная, то здесь – чрезвычайно дорогая: около 27 тысяч фунтов стерлингов (55 тысяч долларов) в год. Тем не менее попасть туда крайне трудно, и родители записывают ребенка ещё до его рождения.

Самое важное: отбор в элиту ведется поэтапно, последовательно и жестко. Когда ребенку исполняется десять лет, он проходит собеседование. Преподаватели выясняют, соответствует ли его уровень развития требованиям школы. Если да, то в 13–14 лет подросток сможет поступить в ее стены. Если нет – деньги не помогут.

Озеров пишет: “Несмотря на трудности с приемом и безумные цены, родители изо всех сил стараются устроить свое чадо в “паблик скулз”. Ведь перед ним после завершения учебы открываются двери, наглухо закрытые для его сверстников.

... Понятно, что на “фабрике джентльменов” учатся дети “самых-самых” – потомственных аристократов, крупных политиков, финансистов. Эти школы – средство воспроизводства британской элиты. Само их существование свидетельствует об иерархической структуре общества”.

Что можно заключить из сказанного?

Политическую власть в Англии крепко держат в своих руках подлинные – и притом потомственные! – хозяева страны, природные англичане, хорошо понимающие значение национальных традиций и устоев, значение классического образования и волевого воспитания. Может быть, поэтому английская элита во все времена и у всех народов пользуется репутацией одной из наиболее националистических элит, действующей всегда в интересах своей страны и английского, а не какого-нибудь еще, народа. Это национализм естественный, сопродный всему английскому политическому классу, он заражает даже немногих случайно попавших в элиту представителей других этносов.

Не случайно знаменитая фраза английского премьер-министра лорда Биконсфильда (еврея Дизраэли) “У Англии нет постоянных друзей и врагов – есть лишь постоянные интересы” сегодня многими странами воспринята как образец правильного понимания политики.

Нашу политическую элиту (высший слой бюрократии) готовят пока что по-другому. Никакой преемственности, ступенчатости в производстве управленческой элиты у нас нет. Да и классическим гуманитарным образованием у нас мало кто может похвастаться.

Но хуже всего то, что ни о какой прививке русской национальной традиции (русского национализма) для студентов, предназначенных править русской страной, нет и речи. И ни в одной академии не изучается наука этнополитика – а без этого любая элита есть и будет слепой заложницей могущественных сил.

II. КАКУЮ “ЭЛИТУ” МЫ СЕГОДНЯ ИМЕЕМ В РОССИИ?

Какой стала русская элита в результате советского 70-летия и постсоветского 20-летия? Что собой представляет по своему составу: образовательно-профессиональному, национальному? Соответствует ли критериям элитарности? Каковы ее перспективы?

Статистическому анализу у отечественных социологов подвергаются лишь две элитные группы: политическая и экономическая. Творческую так не исследуют, увы. Так что разговор поведем только о названных группах.

Собственно, элитой их называют автоматически, не особенно вдумываясь в смысл слов. Перед нами просто правящие круги и верхушка бизнес-сообщества России. Ничего общего с подлинной национальной русской элитой, бывшей у нас когда-то, эти сообщества пока что не имеют. Между тем, они уже оказались объектом пристального изучения в книге “Анатомия российской элиты” (2005) директора Центра изучения элит Института социологии РАН Ольги Крыштановской. На этих материалах, в основном, строится дальнейшее изложение темы.

Политический класс

Политический класс России радикально изменился с советских времен.

Произошел значительный рост его численности за счет бюрократизации. На государственной службе сегодня находится уже 1 700 000 чиновников – столько, сколько было при Брежневе во всем Советском Союзе. Более 1100 человек из этого общего числа относится к элите (в основном госчиновники первого класса категории А).

Несмотря на то, что официально люстрация не проводилась и бывших советских и партийных работников никто по данному признаку не преследовал и не “вычищал” из власти, однако представителей советской номенклатуры осталось у руля всего 18 процентов (абсолютное уменьшение этого контингента не так сильно, поскольку вырос весь класс в целом).

Обновление политического класса принципиально изменило многие его характеристики.

В советское время нами правили геронты – облеченные властью старики. Средний возраст представителя элиты был 68 лет. С приходом Путина произошло резкое омоложение, средний возраст стал 52 года. При Медведеве элита еще сильнее омолодилась.

Очень важно: на смену вчерашним крестьянам (более половины руководителей партии и правительства были выходцами из деревень и попадали на работу в Москву уже в зрелом возрасте) пришла интеллигенция мегаполисов. Два самых главных города – Москва и Петербург – поставляют большую часть элиты.

В советское время преобладающей группой в элитной среде были люди, получившие инженерно-техническое образование, технократы. Сейчас их стало резко меньше, зато появилось очень много юристов и экономистов. За всеми этими переменами просматривается не слишком радостный вывод.

Произошла смена типа мышления руководителей государства, цивилизационный надлом. Если раньше у руля стояли творцы, энтузиасты прогресса, люди широкого кругозора и высоких духовных ценностей, то теперь случилась масштабная деинтеллектуализация элиты, ибо на их место встали торгаши, финансисты и их обслуга. Причем и те, и другие, и третьи уже утратили связь и с землей, и с простым народом.

Очень важные перемены представляет также тот факт, что во властные структуры хлынул поток бывших военных*. Когда в 1991–1993 гг. под видом реформ началась ломка КГБ и армии, в штатскую жизнь выброшено примерно 300 тысяч старших офицеров и генералов. В результате в скором времени произошло более чем двукратное увеличение доли военных во всех элитных группах (по сравнению с советским периодом, с 1988-го по 2002 г. их доля возросла почти в 7 раз). А в высшем руководстве страны произошел двенадцатикратный рост числа военных! На сегодняшний день в России каждый четвертый представитель управленческой элиты – военный (за ними закрепилось понятие “силовики”). Их число продолжает возрастать, сокращая число интеллектуалов во власти, причем не только технократов.

Приход к власти Путина поставил на поток и под контроль центра подобную утилизацию корпуса отставников, сделал указанную “милитаризацию” массовой и системной. По данным Крыштановской, особенно заметным при-

* Под “военными” здесь следует понимать “людей в погонах” всех типов, офицеров – от армии и военно-морского флота до служб безопасности.

ход военных стал в регионах, где их представительство среди глав субъектов Федерации увеличилось более чем в два раза по сравнению с 1999 годом. К середине 2002 г. среди 88 глав (без учета Чечни) 9 были военными. По данным исследования “Путинская элита”, среди всех заместителей министров, назначенных с 2000 по 2003 г., военные составили 34,9 процента, а доля военных, назначенных заместителями министров в экономических ведомствах, достигла 7,1 процента. Наиболее массовый приток военных в экономические ведомства произошел из органов безопасности (ФСБ, СВР) – 45,2 процента от числа всех военных, назначенных замминистрами в невоенные ведомства; из армейских структур пришло 38,7 процента новых замминистров; из МВД – 16,1 процента.

Силовики при Путине превратились в один из трех неформальных центров выработки стратегических решений (два другие центра – это группа избранных министров и группа друзей из бывших сослуживцев). Каждую субботу в своем кремлевском кабинете президент собирает совещание силовиков, на котором обычно присутствуют глава его администрации, шеф ФСБ, глава Совбеза, министр обороны, иногда министры МВД и МИДа.

Системообразующая роль силовиков, которую они приобрели при Путине, позволила политологам заговорить о своего рода государственном перевороте, произошедшем в виде трансформации того политического класса, который достался Путину в наследство от Ельцина. Так, Андрей Илларионов, прекрасно осведомленный о внутренних обстоятельствах Кремля, сформулировал тезис об оттеснении от рычагов управления силовиками – “сислибов” (системных либералов, руливших при Ельцине). Что и вызвало попытку реванша оных в ходе выборов 2011–2012 гг. в виде массовых протестных акций.

Крыштановская, пусть и другими словами, но пишет о кулуарах путинского Кремля примерно то же самое: “Вспомним, какую новаторскую роль играли экономисты (Е. Гайдар, А. Чубайс и др.) при Ельцине, когда ход экономической реформы кардинально изменил облик страны. Путин лишь продолжает начатый его предшественником процесс “маркетизации”, не меняя его направления и сути. Все путинские экономические шаги носили не стратегический, а тактический характер. Это было поступательное движение по ранее выбранному курсу, а не структурная перестройка экономики. Поэтому можно говорить об изменении баланса сил внутри элиты, связанном с уменьшением стратегической роли экономической элиты и увеличением роли военной элиты”.

С моей точки зрения, приветствовать “движение по ранее выбранному курсу” в экономике невозможно, но Путин, опираясь на силовиков, по крайней мере, прекратил вакханалию безумных экономических экспериментов над Россией, пресек преступную “новаторскую роль” скороспелых экономистов, “сислибов”. Что позволяет оценивать массовый приход во власть “людей в погонах” с оптимизмом, хотя и сдержанным.

Приход к власти Дмитрия Медведева резко изменил баланс, едва не ввергнув страну в очередную катастрофу. Во-первых, за четыре года его президентства число силовиков в нашем истеблишменте сократилось вдвое (с 47 процентов на начало 2008 года до 22 процентов сейчас). Во-вторых, произошло резкое омоложение правящего слоя – сразу на 14 лет в среднем по стране. То и другое немедленно дестабилизировало обстановку, обострило внутриэлитные противоречия и борьбу, едва не привело к “ползучей” гражданской войне.

По мнению Крыштановской, сегодня лидируют уже не силовики, а консервативная бюрократия, которая желает сохранить свое доминирующее положение в обществе. Она и является гарантом стабильности, ибо дестабилизация угрожает ее привилегиям. Сегодня на ключевых постах государства – 75 человек, из них всего два человека, о которые можно сказать: “медведевцы”. Остальные – это люди, которых привел к власти Путин.

Бюрократическая часть элиты, как верно замечает Крыштановская, “и раньше была самым могущественным и богатым слоем нашего общества, но только сейчас у нее появилась возможность трансформироваться в наследственную аристократию. Прежняя система гарантировала все блага только при занятии государственной должности. Сейчас дело зашло довольно далеко. У нас появилось уже первое поколение новой аристократии. Без всяких кавычек”.

Эта мысль заслуживает самого пристального внимания.

Коль скоро речь пошла о восстановлении института потомственной политической элиты, есть смысл сравнить новый политический класс не только и не столько с советским, сколько с дореволюционным правящим слоем. Необходимо понять различие между нынешним чиновничеством и бывшей элитой России.

1. Одним из главных отличительных моментов является национализация правящего слоя. Этот важнейший процесс занял весь советский период нашего развития.

Если до революции русские в значительной степени были оттеснены от власти немцами, если сама по себе Октябрьская революция означала практически полную и моментальную замену лидирующей немецкой фракции элиты на еврейскую (при почти полном уничтожении собственно русской фракции), то в 1930–40-е гг. начинается активный рост русской фракции, который, как было сказано выше, продолжался до самого распада Советского Союза, послужив одним из факторов оно.

Перестройка и приход к власти Ельцина повлекли за собой быстрый рывок евреев в политике и экономике. Достаточно вспомнить, что в определенный момент семь из девяти советников Ельцина были евреями, исключительно еврейские головы определяли экономический курс России, еврей Козырев творил новую российскую дипломатию, еврей Швыдкой распоряжался российской культурой, первая десятка российских олигархов была почти исключительно представлена евреями, а реальную власть в стране осуществляла так называемая Семибанкирщина – сообщество еврейских финансистов. Разумеется, такие перемены в системе российской власти не остались без последствий, повлекли (и влекут до сих пор) за собой заметный шлейф.

Однако произошедшие при Путине социальные перемены в составе российской элиты, состоящие в ее бюрократизации и милитаризации, имели не только кадровый, но и национальный аспект, поскольку и советская номенклатура, и советское офицерство в поздней РСФСР в основном рекрутировались из русских людей. Формирование русской политической элиты продолжится (аналогичный процесс протекает и в среде бизнес-элиты, но об этом ниже).

Итак, первое отличие новой российской элиты от дореволюционной состоит в том, что она обрела шанс стать в определяющей степени русской национальной элитой. Чему также способствует массовая эмиграция евреев из России в 1990-е гг., а также широчайшая и глубочайшая компрометация еврейской фракции элиты – благодаря антирусским реформам в экономике, политике и культуре. Поддержка, оказанная народом Путину, ясно указывает на перспективный вектор перемен, в том числе в сфере выстраивания элит, их национализации.

Данное отличие я оцениваю со знаком плюс.

Однако на этом пока позитив и заканчивается.

Особо следует отметить, что национализации общероссийской элиты в смысле ее русификации соответствует процесс национализации элит в республиках, где русских, наоборот, выдавливают из власти и бизнеса представители титульных наций, повторяя путь развития позднего СССР, приведшего к развалу страны. Используя сполна данную Ельциным возможность “глотать суверенитет”, они добились высокой степени автономности республик от центра и теперь достраивают у себя настоящие этнократии. Оправдывая это, во-первых, лозунгами “возрождения этнической культуры и языка”, “возвращения к народным духовным истокам”, “национального возрождения как фактора демократизации общества” и т. д*. А во-вторых – русификацией общероссийской элиты, например так: “Выборы в Госдуму показывают, что число нерусских депутатов сокращается. Если даже все депутаты “националы” будут голосовать как один, то и в этом случае у них нет никаких шансов провести законопроекты, отвечающие интересам каких-либо из более чем ста народов России или хотя бы заблокировать решение русского механического большин-

* Галлямов Р. Р. Правящие политические элиты российских республик в современном пространстве власти (на примере Башкортостана и Татарстана) – xreferat.ru.

ства”*. Для чего нужно блокировать некое “решение русского большинства” (?), об этом умалчивается.

Лукавство подобной аргументации нетрудно увидеть, поскольку национализация элит в республиках стартовала, несомненно, с опережением. Националы проснулись прежде русских, это очевидный и непреложный факт. В результате уже в 1990-е гг. в Республике Саха (Якутия), например, якуты, составляя 34 процента населения, имели 69 процентов должностей в правительственных структурах**. В Татарстане, по разным расчетам, от 76,5 процента до 78,1 процента правящей политической элиты составляют татары, хотя в целом по республике проживает 48,3 процента титульной; 43,5 процента – русской и 8,2 процента – других национальностей***. Аналогично или даже еще более радикально обстоит дело и в других республиках.

Так что точнее всего было бы сказать, что резкий всплеск местных национализмов (наиболее ярко проявившийся в распаде СССР, а затем в Чечне) вызвал к жизни, разбудил русский национализм. Результатом чего явилась стихийная русификация федеральной политической элиты.

Разделение российской элиты на национальные фракции – негативный, но абсолютно закономерный результат противоестественного федеративного устройства России и псевдо-имперских претензий Кремля. Этот процесс прогрессирует, приводя к разбалансировке государства, уготовляя ему судьбу Советского Союза.

2. Едва ли не основная наша беда в том, что у нынешних русских чиновников, в отличие от чиновников царского времени, совсем не развито национальное самосознание.

Мы это видим, во-первых, на материалах последних антикоррупционных разоблачений. Понятно, что мы не могли бы требовать защиты русских интересов от Чубайса, Ясина, Гайдара, Мау, Юргенса, Коха. Но ведь ни Сердюков, ни Васильева, ни Игнатенко, ни многие и многие другие фигуранты не отличаются какой-то явной нерусскостью. А при этом активно действуют против русских интересов.

Во-вторых, мы сталкиваемся с нерусской и даже антирусской настроенностью русских чиновников и при голосовании в Госдуме по вопросам, касающимся национальной политики, и в деятельности структур, эту политику разрабатывающих. Взять хоть бы вполне русских по национальности, но антирусских по своим деяниям бывших министров по делам национальностей – Тишкова, Михайлова, Зорина, готовивших недавно принятую “Стратегию государственной национальной политики”. А чего стоит принятие Концепции государственной миграционной политики?! А поправки к закону “О гражданстве”?!

Так что тревоги республиканских этнократов относительно “решений русского большинства” в Госдуме нелепы до степени лукавства: эти решения по большей части носят не только не прорусский, но и прямо антирусский характер.

В-третьих, оголтело антирусскую политику агрессивно ведут сегодня представители репрессивных органов, в своем большинстве укомплектованных русскими.

И т. д.

Явная или скрытая массовая русофобия русского чиновничества – ярко проявившийся феномен, еще требующий своего осмысления. К счастью, она не тотальна. . .

* Абдрахманов Р.; Маврина Э. Республика Татарстан: модель этнологического мониторинга. М., 1999. С. 42. В том же духе предьявляют претензии и другие, например, башкиры: “В целом нерусские национальности не могут оказывать существенного влияния на процедуру принятия решений ни в Государственной Думе, ни в Совете Федерации. Если бы даже представители всех республик (всего 21 республика, включая Чечню) выступали в Совете Федерации единым фронтом, то они могли бы собирать максимум 25 процентов всех необходимых голосов”. – Илишев И. Г. Национальные меньшинства и государственное строительство в Российской Федерации // Демократия и национальные движения в современном мире. Материалы российско-американского семинара. 20–22 октября 1999 г. Уфа. 1999. С. 90–91.

** Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности России. М., 1997. С. 121.

*** Фарухшин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис, 1994, № 6; Зазнаев О. Республика Татарстан // Конституционное право: восточноевропейское обозрение, 1997, № 2.

3. Моральная ущербность современной русской политической элиты обусловлена особенностями ее формирования. Как указывает Крыштановская: “Когда старая советская номенклатура разделилась на две группы, то одна занялась крупным бизнесом серьезным, а другая осталась во власти. Возник дисбаланс. Первые стали быстро-быстро богатеть, а вторые как бы оставались такими же скромными чиновниками. Возникла и ревность, и зависть и желание догнать их – зависть миллионеров к миллиардерам. Люди, которые были во власти, никак не могли трансформировать свое влияние в финансовый капитал, и они пошли по пути коррупции, которая гигантски возросла”.

Это многое объясняет.

Наша элита пусть и образована, но не воспитана. Она не имеет сословного кодекса чести, безусловно-обязательного для всех сочленов; имеет очень приблизительное понятие о благородстве и зачастую имеет не стремится. Это, конечно, тоже сливочки народа (остатние), но... “второй свежести”.

Больше того, многие из них справедливо подозревают, что билет в вагон первого класса достался им не по заслугам, и что рано или поздно их из этого вагона могут попросить. Вот и торопятся нажиться, наплевав на все и вся, пока не попросили... .

Безнадежно ли такое положение вещей?

Избавиться разом от нынешнего почти двухмиллионного чиновничьего слоя или заменить его на других людей невозможно. А вот переучить, заставить вкладываться всем своим достоянием в родную страну – можно попытаться.

Первые шаги к этому государство в лице Путина сегодня предприняло. Но предсказать, чем кончится для президента война с собственной элитой я не берусь.

Российская бизнес-элита

Считалось вполне официально, что в Советском Союзе есть только два класса: рабочие и крестьяне, между которыми нет ни отношений эксплуатации, ни антагонистических противоречий. Считалось, что частная собственность, капитализм, эксплуатация человека человеком – это все пережитки прошлого, которым нет места в нашем обществе.

Уничтожив русскую буржуазию, а затем – и самую память о ней, советская власть в дальнейшем всеми силами пыталась убедить нас в том, что капитализм и русскость есть две вещи несовместные.

А что было на самом деле?

Все, кто в сознательном возрасте застал 1970–1980-е годы, согласятся, что уже тогда в СССР существовало гигантское капиталистическое подполье, а черный рынок товаров и услуг был почти всеобъемлющим. По подсчетам американского исследователя Г. Гроссмана, в середине 1970-х гг. от 28-ми до 33 процентов своих домашних расходов советские люди производили из “левых” источников, а доктор наук В. Тремл (Университет Дьюка, США) считает, что “левый” заработок в позднем СССР имело до 12 процентов рабочей силы.

Несоциалистический сектор экономики демонстрировал живучесть чертополоха и упорно развивался, несмотря ни на что: еще в конце 1950-х гг. в стране количество зарегистрированных кустарных промыслов достигало 150 тысяч, впоследствии эта цифра росла. Но теневое производство (цеховики) процветало по большей части не в русских областях РСФСР, а в южных республиках и на Кавказе. И в 1991–1993 годах, когда свершилась буржуазно-демократическая революция и капитализм вновь обрел все права, стартовые преимущества оказались отнюдь не у русских, а у их южных сограждан, скопивших состояния на “цеховой” и сельскохозяйственной продукции и/или создавших этнические ОПГ. А также у евреев, получивших колоссальную фору за счет зарубежных родственников и друзей, обеспечивших их консультациями, деловыми связями, товарными и банковскими кредитами, готовыми бизнес-схемами (вспомним хотя бы блистательно-скандальную историю с “Бэнк оф Нью-Йорк”, связанную с парочкой Гурфинкель – Кагаловская), и т. д.

Вполне практические соображения заставляли начинающих капиталистов сплачиваться по национальному признаку, “держаться своей банжи” (Исаак Бабель) – именно это обеспечивало успех. К примеру, вот состав основного

ядра команды Романа Абрамовича: родной дядя Лейба, В. Ойф, А. Блох, Е. Швидлер, Д. Давидович, Е. Тененбаум (стоит вспомнить, что и с Березовским, выведшим его на высшую орбиту, Абрамович познакомился на яхте у М. Фридмана и П. Авена). Аналогичным образом комплектовались штабы у Гусинского, Березовского, Ходорковского и т. д.

Национал-капитализм на марше

Казалось бы, при таких неравных условиях у этнически русского бизнеса шансов просто нет, русским бизнесменам не выдержать в конкурентной борьбе. И первые десять постсоветских лет именно так и можно было подумать, глядя на вакханалию распродажи страны, вчитываясь в имена ее участников, наблюдая за Семибанкирщиной и прочими явлениями того же ряда.

И что же? То, что сегодня происходит в деловых кругах России, сравнимо с тем, что происходило в правящих кругах СССР с 1930-х годов. Ситуация эта укладывалась в формулу, сорвавшуюся с губ одного из тех, кто уходил с исторической сцены, уступая представителям неизбежно поднимавшегося национального большинства страны:

– Ванька прет!

Проанализируем, как за последнее десятилетие менялся национальный состав высшего эшелона российского предпринимательства. Благо, такую возможность дают ежегодные списки “Золотой сотни” журнала “Форбс”. Не могу поручиться за стопроцентную достоверность некоторых цифр: сбор информации личного характера в России запрещен, а национальность отдельных богачей из открытых источников выяснить не удалось. Но тенденция видна четко.

Национальность	2004 год	2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год
Русские	50	51	58	57	60	58
Евреи	35	33	22	22	19	21
Этномусульмане	9	11	11	11	7	10
Иные	6	4	4	7	11	10
Неопределенные		1	2	3	3	1

Взяв “Форбс” за 2012 год, в котором опубликовано уже две “золотых сотни”, мы находим 124 русские фамилии в списке из 200 человек: чуть более 60 процентов. Это можно считать “контрольным замером”, подтверждающим рост русской национальной фракции в общем составе бизнес-элиты – с 50 до 62 процентов.

Не один я пытался разобраться в национальном составе самых богатых людей России. Очень близкие по смыслу данные, полученные при анализе еще более обширной выборки, опубликовал в 2008 году Леонид Радзиховский: “Среди 500 российских “олигархов” – 105 евреев, 20% (к ним я причисляю также и “полуевреев”); 93 представителя иных национальностей, 18%; 302 русских, свыше 60%... Для сравнения, в 2004 году картина была иная: из 154 человек 47 евреев (30%); 30 представителей других наций (20%); 77 человек русские (50%)*”.

Радзиховский делает вывод, который разделяю и я: “Плавное уменьшение доли евреев и других “нацменов” – процесс вполне объективный для российского бизнеса”. О плавном возрастании доли русских он умалчивает, но этот факт говорит за себя сам.

К вышеприведенным цифрам, красноречиво говорящим за себя, добавлю следующее соображение. Некогда Борис Березовский заметил, что рус-

* <http://www.day.az/forum/lofiversion/index.php/t12176.html>

ские бизнесмены, в отличие от евреев, “не держат удар”, не умеют подниматься после поражений для новой борьбы и побед*. Цифры показывают, что это уже давно и далеко не так. Из 23 бизнесменов, выбывших в кризисном 2009 году из “золотой сотни”, русские составляют 12, а из того же числа вошедших в нее – 11 человек (то есть практически столько же), причем, что важно, 8 из них, ранее выбившись из сотни, сумели войти в нее вторично, оправившись от неудач и восстановив свой статус. Поистине, перед нами на сей раз уже настоящие “новые русские”, взамен “старых евреев” из анекдота 1990-х годов.

Первые сотня-две наиболее богатых предпринимателей – это серьезный показатель. В руках этих людей сосредоточилось нечто большее, чем просто богатство. По подсчетам “Форбс”, за 2005 год в компаниях, принадлежащих “сотне”, работало 2,5 млн сотрудников, а на уплаченные ими налоги государство содержало десятки миллионов бюджетников.

Но вот еще один любопытный вывод, сделанный по изучению 20 тысяч держателей карты *Citigold* в России. Так называемые “состоятельные люди” составляют сегодня в нашей стране 1,2 млн человек (0,8 процента всего населения). На их долю приходится 30 процентов всех доходов, им принадлежит 40 процентов всех депозитов и 70% активов ПИФ, они контролируют 10 процентов национальной экономики (наиболее доходную часть, заметим).

1 200 000 человек – это уже не сто человек, пусть даже самых богатых. Такое количество, помноженное на роль и место в экономике, вполне укладывается в понятие “класс”. Как же выглядит национальный разрез этого контингента? Точно на этот вопрос никто не ответит, ибо подобная статистика не ведется, во всяком случае, публично; ведь в РФ сама графа “национальность” ныне упразднена. Однако в свете вышеозначенной тенденции можно строить обоснованные предположения. И тут надо взять в расчет еще одно обстоятельство.

“Золотая сотня” – это самые-самые. Здесь доля русских выросла за шесть лет примерно с 50 до 60 процентов. Но вот в 2008 году тот же “Форбс” обнародовал имена еще полусотни кандидатов в элитный список, тех, кто стоит лишь одной условной ступенькой ниже. И что же? Доля русских составила 68 процентов, заметно выше, чем среди первых ста (именно как среди первых богатей дореволюционной России: две трети). И заметно ниже процент других национальных категорий.

Русские	Евреи	Этномусульмане	Иные	Неопределенные	Всего
34	5	6	3	2	50

Осмелюсь предполагать, что эта зависимость не случайна. Чем ниже мы будем спускаться с террасы на террасу российского капиталистического Олимпа, тем выше будет процент русских среди полукрупного, среднего, полусреднего и мелкого (градации можно разнообразить) бизнеса. Ведь если упомянутые 1,2 млн “состоятельных” граждан контролируют, однако, всего 10 процентов национальной экономики, то кто же, спрашивается, контролирует оставшиеся 90%? Понятно, что немалая часть приходится пока еще на государство, но, возможно, не меньшую часть уже контролируют “малые сии” – миллионы мелких дельцов, не входящих пока в группу “состоятельных”, хотя и стремящихся в нее. Зная, что от 40 до 60 процентов российского капитала, по оценкам экспертов, обращается в тени, нельзя считать этот вариант невозможным.

Итак, как убедительно показывают вышеприведенные цифры, русские отлично приспособлены к капиталистическому предпринимательству и конкуренции, даже в стартовых условиях заведомо худших, чем у других. Составляя 80% среди населения в целом, они стремятся достичь и, надо надеяться, достигнут такой же доли среди бизнесменов, а то и перекроют ее. Дореволюционная Россия, уже в конце XIX века начавшая свое раскрестьянивание, явно шла по этому пути.

* Увы, личным примером Березовский не подтвердил свой тезис.

Социальный генезис нашей буржуазии

Что собой представляют эти люди статистически?

Из каких слоев они рекрутированы, каков их социальный генезис?

Каков их статус в нашем обществе?

1. Прежде всего, как было сказано выше, изначально 61 процентов новых предпринимателей, относящихся к группе бизнес-элиты, ранее работали в органах власти, причем даже среди тех 39 процентов предпринимателей, которые никогда не работали в органах власти, большинство были выходцами из номенклатурных семей, то есть уже налицо были зачатки преемственности нового сословия.

2. Во-вторых, как и в политическом классе, в бизнес-элите проявляются, чем дальше тем больше, пресловутые “люди в погонах”. Крыштановская пишет, что их массовым увольнением в начале 1990-х “воспользовались коммерческие структуры, ставшие основными потребителями услуг офицеров, которые занялись созданием служб безопасности, охраны, экономической разведки, информационно-аналитических управлений. Ценность этих кадров заключалась в том, что они были не просто профессионалами своего дела, но и являлись источниками связей в государственных структурах и правоохранительных ведомствах. Особенным спросом на рынке труда пользовались выходцы из КГБ, так как их интеллектуальный и профессиональный потенциал считался выше, а “специальные навыки” были особенно ценны. В 90-х гг. каждая уважающая себя частная компания имела в штате хотя бы одно подразделение, возглавляемое генералом КГБ. В крупнейших банках и нефтяных компаниях работали чекисты, ранее занимавшие самые высокие посты в КГБ СССР... Массовый переход военных в бизнес не был плановой операцией государства. Но многолетние исследования показывают, что большинство военных сохраняют свои корпоративные связи”.

3. В-третьих, происхождение бизнес-элиты позволяетшний раз подчеркнуть, что реальным классом-гегемоном в Советском Союзе в 1970–80-е гг. стала интеллигенция мегаполисов (это обстоятельство вовремя не распознала власть, за что и поплатилась). В 1993 году в рядах бизнес-элиты 93 процента имели высшее образование. Два высших образования в 1993 г. имели 2,6 процента предпринимателей; 37,0 процента были кандидатами и докторами наук.

Эта тенденция с годами только усиливается: к 2001 г. окончили один вуз 96,9 процента бизнесменов, более одного – 13,4 процента. Чаще всего второе высшее образование является юридическим или экономическим.

В первую очередь в бизнес рванули инженерно-технические работники (49 процентов). Это неудивительно: именно перепроизводство инженеров было характерно для позднего социализма (их было в пять раз больше, чем в США!). Но дело не только в этом, а еще и в специфике труда, поскольку за восемь лет с 1993 по 2001 г. гуманитарии (филологи, историки, философы и пр.) из крупного бизнеса практически вообще исчезли, не смогли удержаться: если в 1993 г. они составляли 9,4 процента, то в 2001 г. их осталось менее одного процента.

Среди крупных предпринимателей окончившие инженерно-технические вузы по-прежнему составляют большинство (таких 53,3 процента), но выросла доля экономистов и юристов: в 2001 г. – 41,0 процента, сегодня несколько выше.

Время предъявляет все более высокие требования к интеллекту бизнесмена. Как пишет Крыштановская: “Крупный бизнес в России конца XX – начала XXI вв. зиждется на людях совсем другого типа – не просто формально образованных, но “продвинутых”: знающих иностранные языки, много путешествующих, уверенно чувствующих себя в Интернете и новых технологиях”.

До поры до времени основная бизнес-элита оставалась московской группой, поскольку сформировалась на базе столичной молодой номенклатуры. Но после августовского кризиса 1998 г. в составе группы заметно увеличилась доля регионалов, особенно петербуржцев (их доля приблизилась к 10 процентам). Крыштановская комментирует: “Тенденция провинциализации бизнес-элиты, отчетливо наблюдаемая в последние 10 лет, обусловлена изменением структуры самого крупного бизнеса, его территориальной диверсификацией.

На место разорившихся в кризисе 1998 г. московских финансистов пришли региональные промышленники”.

Таким образом, зарождение элиты будущего происходит сегодня уже повсеместно на всей территории России, но преимущественно в городах.

4. Говоря о статусе бизнес-элиты, надо прежде всего иметь в виду ее зависимость от политикласса. Как отмечает Крыштановская, “богатым в России позволяет быть власть, которая в политическом обществе использует разрешение богатеть как свой ресурс, как привилегию, которой можно награждать достойных. Тех же, кто позволил себе разбогатеть, не заручившись поддерживающей властью имущих, ждут репрессии и разорение”.

Может быть, сказано излишне категорично, но что верно, то верно: правила игры устанавливает и меняет по своему усмотрению Кремль. И сливки снимает высокопоставленное чиновничество, это уж точно. А вот влияние бизнесменов на политику достаточно призрачно. Что связано в первую очередь с тем, что политическая элита пока что контролирует ресурсы, несопоставимо более значительные, чем те, что контролируют все вместе взятые бизнесмены.

Путин и бизнес-элита

С приходом Путина в президентское кресло в жизни бизнес-элиты многое изменилось. Прежде всего, скоробогатым господам пришлось отказаться от всяких претензий на власть. Или, во всяком случае, выбирать что-то одно: власть или богатство. Поэтому 6 процентов бизнесменов стали профессиональными политиками и в настоящее время работают на постоянной основе в парламенте либо в правительстве. А целых 10 процентов бизнес-элиты образца 1993 г. предпочли покинуть Россию и обосноваться за границей. Это связано было не только с опасностью подвергнуться “раскассированию” со стороны властных структур, но и с нею тоже.

Те же, кто предпочел остаться на Родине и продолжал делать карьеру в бизнесе, приняли условия, продиктованные Кремлем. Как точно подметила Крыштановская, “люди, входящие в сотню или в две сотни “Форбса”, сегодня не входят в политическую элиту, хотя иногда их влияние чрезвычайно высоко. Таков итог правления Путина”.

Надолго ли у нас сохранится такое положение вещей, противоречащее всему мировому опыту, сказать трудно. У России свои традиции, здесь золото никогда не могло стоять выше, чем булат.

Любопытно, что ход событий, конкурентная борьба постепенно расставляет все по своим местам, устраняя перекосы не только в национальном составе бизнесменов. Так, теперь уже только 28,6 процента нынешней бизнес-элиты принадлежат к советской номенклатуре былых времен. Иными словами, только половина “советских бизнесменов” сумела сохранить свои позиции, стать профессиональными предпринимателями, а остальных безжалостно поглотил естественный отбор. Преимущества, не обеспеченные умом и талантом, оказались несовместимы с капитализмом (это внушает оптимизм).

Вместе с тем, тесная связь между политической элитой России и крупным бизнесом, конечно же, осталась. Поэтому государственные чиновники после отставки нередко становятся топ-менеджерами в крупных корпорациях и других коммерческих структурах.

Интересно и другое наблюдение. Первоначально бизнес-элита была молодой социальной группой. Возникшая в 1987 году группа “номенклатурных предпринимателей” комсомольского образца имела средний возраст 42,1 года. Однако вскоре началось ее стремительное старение: в 2001 г. ее возраст составил уже 48,6 года. А теперь она все больше наполняется людьми, которым за 50 и даже за 60 лет.

Это говорит о том, что в нее почти перестали вливаться новые силы. Гигантский и беспрецедентный передел собственности закончился. Кто не успел, тот опоздал.

Наконец, важные изменения стали происходить в сфере инвестиций. Если до 1995 г. наиболее могущественная группа бизнес-элиты, контролировавшая до 80 процентов российских финансов, почти не вкладывала деньги в реальный сектор экономики, то позже это стало привлекательным, обеспечивая не только валютные, но и политические дивиденды.

III. ТАК БУДЕТ ЛИ У РУССКИХ СВОЯ ЭЛИТА?

Политику не зря причисляют к искусствам. А в искусстве, как известно, количество не переходит в качество. Из тысячи кошек, как говорят китайцы, не сделаешь одного тигра. Множество профессиональных чиновников и бизнесменов – это еще не национальная элита. Сложится ли новая русская элита – зависит от того, начнут ли эти люди связывать свои интересы, будущность, судьбу с интересами, будущностью, судьбой России и русского народа.

Естественный отбор, с особой жесткостью действующий в тех слоях общества, где есть что делить, привел в России к одному любопытному результату: женщин в бизнес-элите просто нет. “Конечно, это не означает, – комментирует этот факт Крыштановская, – что в стране нет успешных и даже влиятельных женщин-предпринимателей. Однако женщины, оставаясь в крупном бизнесе, так и не попадают в узкий круг бизнес-элиты”.

Почти полностью аналогично положение дел и в политическом классе. В советское время существовали различные квоты представительства во власти: в частности, доля женщин в представительных органах власти должна была составлять примерно 30 процентов. Но сегодня, в условиях, опять-таки, естественного отбора, их удельный вес там снизился до 8 процентов, а в исполнительных органах власти остался на уровне 2–5 процентов.

Каковы будут последствия таких гендерных пропорций в российской элите?

В России, где генеалогические цепочки всегда выстраивались по отцовству, все это имеет особый смысл. Ибо в принципе каждый представитель элиты, будучи мужчиной, может претендовать у нас на роль основателя, корня династии, устремленной в будущее своею кроной.

Однако будут ли у нас элитные династии, в какой-то степени сопоставимые с дворянскими родами? Вот вопрос вопросов.

Ответить на него непросто, поскольку ситуация противоречива.

С одной стороны, большинство представителей бизнес-элиты поражает своим легкомыслием, психология временщиков прикипела к ним намертво. По данным опроса UBS и Campden Research, проведенного по заказу газеты “Ведомости”, российская бизнес-элита не строит долгосрочных планов и не создает династий. Если верить Ольге Крыштановской, “российский крупный бизнес не любит привлекать к себе внимание как властей, так и общественности, не стремится сделать компанию публичной, не задумывается о передаче бизнеса по наследству и готов его продать, как только предложат хорошую цену. Только треть опрошенных надеются, что дети продолжат их дело, но не настаивают на этом. Подрастающее поколение первых бизнес-наследников приобщено к западным ценностям и лучше родителей разбирается в финансах, оно может направить семейные капиталы в Европу, подальше от российской бюрократии, в зарубежную тихую гавань. Деньги они предпочитают хранить за границей и там же учить детей”.

Ни о каком, даже зачаточном, патриотизме этих людей говорить не приходится. Перед нами модель поведения, в корне отличающаяся от тех стран, где есть давно сложившиеся элиты со своими традициями.

Лишь иногда, утверждает Крыштановская, некоторые наши бизнесмены “поступают совершенно обратно. Забирают детей из этих школ, перевозят их в Россию. И начинают думать о том, как социализовать своего ребенка здесь для того, чтобы он продолжил бизнес, который начал отцом здесь. Его надо учить здесь, чтобы он умел разговаривать со здешним чиновником, со здешним бизнесменом. Я бы сказала, что наиболее умные из бизнесменов, они вот этот путь проделывают”. Но самых умных-то ведь всегда единицы.

Итак, новая бизнес-элита оказалась непатриотичной в своей массе. Не говоря уж о нерусских ее представителях, для которых интересы русских не могли ничего значить в принципе, но и “новые русские” без зазрения совести норовят распродать подороже доставшееся им почти даром богатство и затем вывозят капиталы из страны, а не вкладывают в ее развитие, а детей своих отправляют учиться за рубеж с расчетом там и пристроить на будущее.

Представить себе в массовом виде подобный алгоритм в дореволюционной России невозможно. Во многом это связано с изменением характера господствующего класса: на смену дворянству – классу землевладельцев – пришла буржуазия. Дворянская элита естественно патриотичнее буржуазной: ведь земля-ка-то она родная, русская, а деньги – штука международная, безродная.

С другой стороны, именно здесь кроется важное отличие бизнес-элиты от корпуса элиты политической, чиновничьей. Ибо те, как раз, преимущественно отправляют детей в такие вузы, которые гарантируют карьеру в России. То есть – в отечественные, ведь ни Кембридж, ни Оксфорд, ни Гарвард никакой карьеры здесь гарантировать не могут.

Таким образом, получается, что шанс на создание настоящей – династической, потомственной – элиты в нашей России имеет политический класс, но не бизнес-класс. За одним, среди бизнесменов, исключением: бывших военных. О которых Крыштановская пишет, что хотя по мере обогащения “советская мифология теряла свою былую власть над их умами”, однако на смену ей пришли убеждения не только патриотические, но и славянофильские, русско-националистические (поскольку офицерский корпус традиционно наполнял, по большей части, русские люди). А это очень важный, определяющий сдвиг. Воспитанные в традициях служения государству, люди в погоне “сохранили ностальгию по “великой державе”.

Если учесть, что среди управленческой элиты военные также заняли весьма значительный сектор, мы можем предположить, что именно в лице сословия отставников сегодня закладывается фундамент, основное ядро грядущей русской элиты. Что вообще-то соответствует тысячелетней русской традиции.

Впрочем, наша ситуация содержит в себе и другие противоречия, ставит жизненно важные вопросы.

Чем еще отличается сегодняшняя “элита” от дореволюционной?

До революции мы имели соприродную русскому народу элиту, рожденную тысячу лет из самого этого народа, связанную с исторической Россией тысячами нитей, выросшую в традициях любви и почтения к нашей стране, ее истории, к русскому народу. В составе этой элиты русское дворянство как сословие занимало центральное место, было ее стовым хребтом, воспитывалось ею и воспитывало ее.

Однако легко видеть, что в наши дни новые выдвигенцы всё никак не могут стать настоящей русской национальной элитой, ни социально, ни политически, ни нравственно. Недотягивают до этой высокой планки. Людей, подобных тем же героям Отечественной войны 1812 года или декабристам, мы в их среде не обнаруживаем.

И дело не только в недостатке национализма, о чем говорилось выше.

Дело еще и в моральных качествах, и в характере образованности, в культуре.

В России не было своего “третьего сословия”, породившего европейскую буржуазную элиту. Роль этого сословия у нас сыграла интеллигенция.

Но... В своем абсолютном большинстве это интеллигенция была в лучшем случае всего лишь второго поколения, советской выделки, не потомственно-преемственная. В ее составе налицо засилие нерусского элемента; русское элитарное национальное сознание ей никто никогда даже не пытался привить, а прививали, напротив, интернационализм, западничество (в т. ч. в виде марксизма и либерализма) и эгалитаризм.

Таким образом, те, кто сегодня с грехом пополам мог бы претендовать на роль отечественной элиты, – либо не элита, либо не русские, либо русские, но без корней.

Прежняя, дореволюционная русская элита (дворяне, церковники, предприниматели, интеллигенция, кулаки, казаки), складываясь и вызревая тысячу лет, представляла собой мощный концентрат истории и духа, была по всем физическим и умственно-нравственным корням глубоко русской, имела уровень жизни выше среднего и держала в руках бразды правления обществом. А нынешняя “элита” – беспочвенна, легковесна и не имеет прочных устоев, в том числе национальных.

При этом наиболее интеллигентная страта, которая могла бы в ускоренном порядке породить элиту, близкую по качествам к дореволюционной, – вообще не допущена к рычагам власти, во всем зависима от сильных мира сего (не обеспечена, не приподнята над всем прочим обществом материально) и вообще, по большому счету, не элита.

А между тем, судьба нации – это во многом судьба ее элиты. Известно,

что рыба гниет с головы, но ведь и жить без головы ни рыба, ни кто другой не может. Какая голова, такая и жизнь.

Что же нужно, чтобы перековать современный российский политический класс и верхушку новой буржуазии в русскую элиту пусть не английского, но хотя бы дореволюционного образца?

Во-первых, все-таки национальная элита должна быть национальной. Она должна быть плотью от плоти своего народа. Иначе это уже не его элита. Если бы современная российская элита вся была не русская по крови, это значило бы просто, что у русских нет своей элиты.

К счастью, это не так.

Лучик надежды подает вышеописанный список “Золотой сотни” России, публикуемый журналом “Форбс” из года в год. Русский хозяин еще не вошел во власть, но уже встает на ее пороге.

Аналогичный процесс происходит и в управленческой среде.

Во-вторых, национальная элита должна быть националистична. Не просто патриотична (хотя и до этого в массе еще пока далеко), а именно националистична. Она должна любить свой народ, из которого произошла, заботиться о своем народе, думать о нем. Представитель национальной элиты не может рано или поздно не осознать, что национальная солидарность представляет ни с чем не сравнимый ресурс в конкурентной борьбе. Возьмите представителя английской элиты: это английский националист. Возьмите представителя еврейской элиты: это еврейский националист. Возьмите представителя казахской элиты: это казахский националист. И т. д. Это не случайность, а закономерность. Естественный национализм – любовь к своему народу, забота о нем – это свойство настоящих элит.

При этом необходимо понимать различие между гипотетической русской элитой и реальным русским чиновничеством. У русских чиновников не развито национальное самосознание. Но ситуация не безнадежна, она поддается коррекции. Можно и нужно своевременно озаботиться русским национальным воспитанием новой элиты, привитием ей русского национализма как модной и органичной парадигмы, ее русской национальной селекцией. Необходимо поднять ее хотя бы до того уровня русского национализма, которым блистало русское дворянство XVIII–XX вв. Вот что мы должны культивировать, пропагандировать и внедрять в интеллигентское сознание нашего возрожденческого века!

В-третьих, в национальной элите должна действовать нравственная выбраковка, должны действовать суды чести, должен действовать кодекс чести, грубое нарушение которого влечет к остракизму, к изгойству.

В дореволюционной России это было. Иногда официально (скажем, кодекс офицерской, дворянской чести), иногда – нет, но во многих профессиях существовали свои кодексы. Стать нерукопожатным в дореволюционной России не хотел бы никто, этого боялись. А в сегодняшней России все со всех – как с гуся вода. Кто из нынешних чиновников покончил бы с собой из-за нравственного урона? В наши дни значение такого сословного кодекса нравственности элиты нетрудно понять и почувствовать, настолько остро ощущается его нехватка!

В-четвертых, у настоящей элиты должно быть чувство настоящего хозяина, который заботится о своем хозяйстве. Настоящий патриотизм, настоящий национализм – это патриотизм и национализм истинного хозяина страны. Если мы посмотрим на нынешнюю “элику” России, то вот как раз этого – заботы о своей стране и своем народе – мы и не увидим. Это объяснимо. Эти люди – скорохваты, говоря словами Солженицына: ненастоящие хозяева, не природные хозяева, они не выросли в итоге вековой селекции. Они не являются биосоциальной элитой.

А российскому дому нужен хозяин. А то Родина-мать у нас вроде бы есть, а вот отца явно не хватает. Вместо него есть какие-то постоянно сменяющиеся друг друга отчимы, у которых бегают по двору 15 детишек, не своих, не чужих, а непонятно каких. С этим пора покончить, и наши умственные усилия нужно направить на создание подлинной национальной элиты.

В-пятых. Можем ли мы, говоря о русской элите, ее воссоздании, ограничиваться лишь судьбой нашего политического класса и бизнес-элиты, забывая о духовной элите нации? Нет, конечно. Это было бы даже как-то не по-русски.

И тут уместно завершить разговор цитатой из русского философа и богослова о. Павла Флоренского:

“Творческая личность не делается, никакие старания искусственно создать её воспитанием и образованием не приводят к успеху, и мечтать о массовых выводах творцов культуры значит впасть в утопию. Задача трезвого государственного деятеля – бережно сохранять немногое, что есть на самом деле, не рассчитывая на волшебные замки в будущем. Творческая личность – явление редкое, своего рода радий человечества, и выискивать её надо по крупицам. Государственная власть должна вырабатывать аппарат для вылавливания таких крупинок из общей массы населения. . .

Искать подобную личность надо всюду, под покровом всякой деятельности. Только весьма проницательные, опытные и крупные люди могут распознать подлинно творческие потенции, и для этого распознавания должен быть организован особый государственный аппарат, работа которого с лихвой окупится результатами. . .”.

Что нас ждет?

Путин сегодня пытается воспитывать патриотизм в представителях элиты. Делает он это довольно неуклюже, в соответствии с основами марксистской политэкономии, заложенной ему в ум при обучении в советском вузе. А может, ему вспоминается евангельская максима “где будет имущество ваше, там будет и сердце ваше”? Во всяком случае, в российских верхах началась не просто кампания, а настоящая борьба, имеющая целью принудить богатых россиян к размещению своих состояний в отечественных банках и инвестициях, а не в офшорах.

Большинство наблюдателей относится к этому скептически, а напрасно, ведь Путин уже зарекомендовал себя как человек упорный, умеющий настойчиво добиваться поставленной цели. В частности, чтобы преподать суровый урок “офшористам”, Россия не только не стала всерьез защищать их интересы на Кипре, но и использовала кипрский кризис как урок и весьма злорадное назидание: мол, не надо было держать капиталы за рубежом, господа хорошие. Более того, отныне Минфин РФ будет требовать у всех стран, которым РФ предоставляет кредиты, полной финансовой прозрачности во всем, что касается российских учредителей и бенефициаров зарегистрированных на их территории компаний. И подобных системных мер намечено еще немало.

Перевоспитание элиты, несомненно, не ограничится действиями международного характера. Наблюдатели уже говорят о своего рода верхушечной гражданской войне, развязанной Путиным против собственной элиты, выросшей в том числе и за годы его правления. Если в течение первых десяти лет правления Путин по ряду причин не мог позволить себе традиционный для русских самодержцев “перебор людишек” (выражение Ивана Грозного), то теперь настало время “большой зачистки” и отделения овец от козлищ. Но ведь для подобной цели необходимо иметь своих опричников или, на худой конец, лично преданных гвардейцев, спрос на которых резко возрастает и влечет за собой тектонические подвижки внутри элит.

В частности, как подметила Крыштановская, главными отличительными особенностями Путинской элиты являются: 1) снижение доли “интеллектуалов”, имеющих ученую степень; 2) увеличение представительства бизнеса во властных структурах, связанное с объективным изменением роли новой буржуазии в обществе; 3) “провинциализация” элиты и 4) резкое увеличение числа военных во власти. Если третье и четвертое можно приветствовать, а второе принять как данность, то первое свидетельствует о том, что Путин разошелся с еврейскими умниками, составявшими бригаду “политических лоцманов” ельцинской эпохи* (что очень хорошо), но не сумел найти им замену из числа русских интеллектуалов (что очень плохо). Почему не сумел? Со стороны судить трудно. Хуже всего, если это обусловлено излишней уверенностью Путина и его ближнего круга в собственных умственных силах. Разрыв Кремля с русской интеллектуальной элитой может очень дорого обойтись стране.

* К сожалению, в области национальной политики рулят по-прежнему ельцинские лоцманы: Эмиль Паин, Валерий Тишков и др.

Необходимо отметить и другую опасность. Воспитательные усилия Путина по адресу власть и деньги имущих — это, конечно, хорошо, правильно. Но его правление отличает одна черта, которая может поставить под угрозу такие планы.

Дело в том, что огромные капиталы, сложившиеся у столичной бизнес-элиты и лично у верхушки руководства страны, толкают Россию на путь империализма, пробегая форсированными темпами национал-капиталистическую стадию. Не случайно такие агенты российской капитализации, как Анатолий Чубайс и Альфред Кох — нерусские и, по мнению многих, антирусские деятели, — заявили концепцию “либеральной империи”. То есть вместо военного завоевания бывших советских республик СССР (а там и других) предлагается выстраивание системы “господства — подчинения” между метрополией (Россией) и протекторатами, доминионами, колониями (другими странами) с помощью исключительно экономических инструментов, в частности — экспорта энергоресурсов.

Ситуация — классическая: естественная и ожидаемая (читайте Ленина “Империализм как высшая стадия капитализма”).

Порою кажется, что Путин вдохновляется именно этой идеей. И что он действительно взялся выстраивать империю, для начала под видом Евразийского союза, в интересах крупного сырьевого капитала (госкорпоративного в том числе). Увы, президент забыл о плачевном историческом опыте двух рухнувших подряд за какие-то семьдесят четыре года нечуждых нам государств: Российской империи и СССР. Он упрямо строит очередную псевдоимперию: государство не русских и не для русских, но за счет русских. Перестраивая для начала под эти цели нашу мононациональную Россию.

Но беда в том, что империализм плохо совместим с национализмом. А в условиях демографического упадка он просто губителен для государствообразующего народа. Соответственно, режим воспроизводит уже однажды показавший свою порочность алгоритм: вместо русской националистической элиты складывается имперская элита с ее опасным и бесплодным “безродным патриотизмом” и “великодержавным космополитизмом”*. Создается правящий класс безнационально-патриотического (по сути, интернационалистского) заклада, ориентированный на фантомную “российскую нацию” — аналог советского народа. Хотя никакой российской нации в природе не было, нет и быть не может.

Чем это кончится — показывает судьба Советского Союза. Но прочесть эту судьбу правильно и извлечь уроки этим людям, как видно, не дано. И не будет дано, пока в России не вызреет, наконец, новая русская национальная элита. В полном смысле этого слова.

* Идеологическим центром этой элиты выступает “Изборский клуб”.